

Древняя Греция и Рим. Эллинизм

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 19–34
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 19–34
©Автор(ы) 2017

ПРОЗВИЩА У ГРЕКОВ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ. I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА¹

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва,
isurikov@mail.ru*

Аннотация. Данная статья задумана как первая в цикле, посвященном прозвищам известных людей у греков доэллинистического времени. В ней высказываются в основном общие соображения о роли прозвищ в человеческих обществах (включая древнегреческое), о соотношении прозвищ с личными именами и с эпитетами божеств, о терминологии прозвищ у греков, о возможных причинах не слишком большого распространения прозвищ в Элладе рассматриваемой эпохи.

Прозвище – фундаментальный феномен истории культуры, и его истинное значение пока не оценено по достоинству. Прозвища, в частности, выступали в качестве средства различения индивидов внутри любого социума. Имена древних греков уже изначально в максимальной степени напоминали прозвища. Ономастические единицы в греческих полисах являлись в основном значащими.

Прозвища могут относиться – не с семантической, а с эмоциональной точки зрения – к трем основным типам. Мы имеем дело с прозвищами: а) позитивного, возвышающего характера («Олимпиец» применительно к Периклу); б) негативного, уничижительного характера («Коалем» – «простак» применительно к Кимону Старшему); в) нейтрального характера; таковые просто фиксируют некую характерную черту внешности индивида (например, «Одноглазый») либо какую-то запомнившуюся подробность его биографии (Гиппоник «Аммон» в Афинах на рубеже VI–V вв. до н.э).

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант 16-01-00297).

В доэллинистическое время имела место еще вот такая небезынтересная черта. Пожалуй, прозвища мы чаще встречаем не у политиков и государственных деятелей, а у лиц, подвизавшихся в сфере культуры – поэтов, философов.

Ключевые слова: Греция, архаическая и классическая эпохи, прозвища, имена, ономастика, культовые эпитеты

В рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен» (руководитель – О.Л. Габелко) задачей автора является анализ употребления таких прозвищ в Греции и греческом мире доэллинистического времени. Материал по указанной теме не слишком обилен (ведь и вправду в Элладе до Александра Великого политикам гораздо реже, чем после него, давались прозвища, особенно если к политикам относить и монархов, почти каждый из которых в период эллинизма был снабжен, помимо полученного при рождении имени, каким-нибудь дополнительным идентификационным обозначением), но достаточно показателен: он отчетливо порождает определенные оригинальные идеи и побуждает написать цикл статей на соответствующую тему. Данная, начальная из них, является и предварительной, и в самом широком смысле первичной: на мысли, высказываемые в ней, неизбежно придется опираться в ходе дальнейшей работы.

1. Прозвище – феномен, мы бы сказали, фундаментальнейший для истории культуры, и его истинное значение, полагаем, пока еще не оценено по достоинству, это когда-то предстоит сделать. Прозвища, в частности, выступали в качестве средства различения индивидов внутри любого социума; если идти, как говорится, к самым истокам, то можно констатировать, что по большому счету вся ономастическая номенклатура, без которой просто невозможна жизнь разумных существ, возникла – в глубинах первобытных обществ – именно из прозвищ. Прозвища появляются раньше, чем имена, и само прозвище является тогда именем (или имя – прозвищем, это уж как угодно); именно из прозвищ вырастают со временем личные имена в той форме, в которой они привычны для нас. Здесь мы, подчеркнем, говорим о вещах совершенно безусловных и даже банальных, однозначно подтверждаемых данными и этимологии, и этнографии, и фольклористики... Но в такую стародавнюю древность нам, конечно, в рамках данной работы углубляться не резон.

2. Прозвища и в дальнейшем продолжали максимально активную жизнь во всех, практически без исключений, человеческих коллективах – социумах, этносах, цивилизациях... И не только продолжали, но и продолжают: сплошь и рядом и поныне личность внутри своей референтной группы обозначается не в меньшей степени прозвищем, нежели официальным, «паспортным» именем. В особенной степени эта тенденция проявляется в группах детей и подростков (у которых ввиду их меньшей, чем у взрослых, степени социализации, вообще многие элементы культуры общения выступают в менее завуалированных, более откровенных формах). Мало кто в свои школьные годы не имел прозвища, придуманного одноклассниками.

Во многих европейских странах именно прозвища породили фамилии (фамилию следует определить, как тот элемент официального имени человека, который не является индивидуальным для него, а наследуется и показывает его принадлежность к той или иной семье). Таких стран в Европе, пожалуй, даже большинство. От прозвищ происходит множество фамилий французов или итальянцев, чехов или украинцев... (и пр., и пр., и пр.).

Впрочем, в отдельных странах восторжествовала иная традиция – формировать фамильные имена от патронимиков, отчеств. В наиболее полном виде эта традиция присутствует у скандинавов: среди шведов, датчан, норвежцев трудно встретить людей, чья фамилия не оканчивалась бы на «-son» или «-sen». Исландцы, заметим, даже и по сей день не имеют фамилий как таковых, а только «отчества».

Фамилии-«отчества» мы найдем (хотя не как решительно преобладающую норму) и у англосаксов (опять же, все, что на «-son»), и у современных греков (все, что на «-ou»). Из славянских народов та же традиция фамилий-отчеств особенно последовательна у русских. Большинство традиционных русских фамилий оканчиваются на «-ов» или «-ин», и это представляет собой усеченные варианты отчеств в строгом смысле слова: Иванов – «сын Ивана», Ильин – «сын Ильи», Смирнов – «сын Смирного» (Смирной – распространенное древнерусское мирское, не-крестильное имя) и т.п.

Эта достаточно уникальная черта, отдаляющая русских от остальных славян и в то же время сближающая их со скандинавами, была рассмотрена Ф.Б. Успенским², который пришел к однозначному выводу о действительном наличии норманнского влияния на зарождение подобной реалии.

Фамилии, коль скоро о них зашла речь, в ряде стран могли образовываться также от топонимов³. Такое явление нередко во Франции, Германии. Кто не знает о компонентах *de*, *von*, служивших, между прочим, маркерами аристократического происхождения носителя фамилии – в отличие, скажем, от практики голландцев, у которых *van* или, опять же, *de* ни на какую сугубую знатность не указывают.

Если уже непосредственно обратиться к эпохе древнего мира, которая в рамках данного цикла статей должна нас преимущественно интересовать, напомним о том, что было принято у римлян (берем республиканскую эпоху их истории, поскольку в период Империи стройная ранее ономастическая система поступательно искажалась произвольными вторжениями в нее – вначале со стороны правителей и членов их семей, но со временем это превратилось уже и в общий обычай).

Пока что мы еще не ушли из сферы тривиального, но тривиальное – никак не синоним неверного. Всякий знает, что официальное «тройственное» имя римского гражданина времени Республики, помимо личного имени (*praenomen*), включало родовое имя (*nomen* или *nomen gentis*), обязательно наследуемое, а также третий элемент – *cognomen*. И всем известно, что эти самые когномены и есть не что иное, как прозвища, которые стали наследственными. Скажем, многочислен-

² Успенский 2001.

³ Об обратном процессе – происхождении топонимов от антропонимов применительно к древнегреческой истории (принимается в расчет прежде всего деятельность ойкистов колоний) см.: Malkin 1985 (впрочем, выкладки И. Малкина применительно ко времени до середины IV в. до н.э. крайне уязвимы, что мы аргументируем в работе: Суриков 2012).

ные Сципионы были таковыми постольку, поскольку первый представитель патрицианского рода Корнелиев, получивший это прозвание, так бережно помогал своему престарелому отцу, что стал для него как бы посохом (*scipio*); знаменитый Цицерон (который по-русски был бы примерно Гороховым) именовался так потому, что опять же у какого-то его предка из малородовитых тускуланских Туллиев была на носу заметная бородавка, по форме напоминавшая горошину (*cicer*). Примеры можно было бы множить и множить, особенно учитывая, что к когноменам в особенно разросшихся семьях добавлялись еще агномены да иногда не по одному (взять хотя бы такое полное имя: Публий Корнелий Сципион Назика Серапион – когномен и два агномена, иными словами, три последовательно возникших прозвища, притом причину появления каждого из них источники зафиксировали).

Вообще говоря, римское общество (как республиканского, так и имперского времени) – чрезвычайно благодатная почва для изучения разного рода неофициальных и официальных прозвищ, служивших для идентификации индивидов. Но о реалиях Рима, надеемся, детальнее напишут те коллеги, которые разрабатывают связанную с ним проблематику в рамках вышеуказанного проекта. А нам сейчас предстоит «вернуться к своим баранам», то бишь к грекам.

3. Переходя же конкретно к Элладе (сразу оговорим, что под нею будет пониматься весь эллинский мир, включая колонии), необходимо ответить, что имена ее обитателей (личные имена, поскольку фамилий или чего-либо очень близкого к ним у античных греков, как известно, не было) уже изначально в максимальной степени напоминали прозвища. Ономастические единицы в греческих полисах являлись в основном значащими⁴. Они были с точки зрения корневых морфем либо односоставными («Фидон», «Лампон» и т.п.), либо двусоставными (наиболее распространенный случай – «Аристотель», «Демосфен», «Евбул», «Калликл»), либо – чрезвычайно редко – даже трехсоставными («Евксенипп» и др.)⁵. Не столь уж редко, отметим, встречались имена, восходящие к патронимикам, «имена-отчества» (их специфика была в том, что они оканчивались на *-ίδης* или *-άδης*)⁶.

Может быть, именно потому, что имена греков сами по себе были столь близки к прозвищам (автор этих строк, читая студентам лекции по истории Древней Греции и в какой-то момент касаясь вопросов антропонимии, обычно вполухотку говорит студентам, что у греков-де с именами было почти так, как у североамериканских индейцев, практика имянаречения которых всем нам памятна с детских лет: «Могучий Бык», «Зоркое Око» и т.п.), у них не была широко распространена (во всяком случае, в доэллинистическое время) практика дополняющего наречения индивидов прозвищами *stricto sensu*. Дорожили именно именами: их писали на надгробных памятниках⁷, вводили в их состав элементы важного для имя-

⁴ Значащий характер древнегреческих имен неоднократно «обыгрывал» в юмористических целях хотя бы Аристофан в своих комедиях. См. Kanavou 2011. Наша оговорка «в основном» связана с тем, что нередко в древнегреческие ономастические комплексы попадали иноземные имена, которые по-гречески уже ничего не означали (Habicht 2000; чаще всего это было связано с ксеническими контактами эллинских аристократов с «варварскими» правителями, см. Nerman 1990).

⁵ Dubois 2000, 43.

⁶ См.: Duplouy 2010.

⁷ Barbantani 2014.

нарекателей характера – теофорные⁸, географические или этнические⁹, имена привлекали внимание прорицателей¹⁰, историков¹¹. Ныне же древнегреческими именами, конечно, занимаются по большей части специалисты в области лингвистики¹², делая на ономастическом материале порой достаточно ответственные выводы¹³.

В Афинах (а нам и в дальнейшем придется в наибольшей степени привлекать, конечно, афинский материал ввиду его относительной обильности и показательности), начиная со времени реформ Клисфена в самом конце VI в. до н.э., сформировалось официальное имя гражданина¹⁴, включавшее в себя три элемента (в чем-то, таким образом, наблюдается сходство с римской практикой, но только в этом, чисто формальном отношении): личное имя, патронимик и демотик (например, «Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга», «Аристид, сын Лисимаха, из Алопеки», «Фемистокл, сын Неокла, из Фреарр» и т.п.). Именно так обычно обозначались афинские граждане на остраконах – черепках-«бюллетенях» для остракизма¹⁵. Никаких прозвищ мы здесь не наблюдаем. Разве что могли быть таковыми (но это очень гипотетично) «предатель» по отношению к Калликсену, сыну Аристони-ма¹⁶, и «мидянин» по отношению к Каллию, сыну Кратия¹⁷.

4. Необходимо затронуть в контексте данной тематики и проблему терминологии. Как, собственно, будет по-древнегречески «прозвище»? Ответ, напрашивающийся в первую очередь (поскольку мы ведь во многом неосознанно мыслим кальками с греческого), будет, как ни странно, верен: ἐπίκλησις, от ἐπικαλέω, и это более чем ожидаемо. Сверх того, лексиконы фиксируют слово той же этимологии *ἐπίκλη, в историческую эпоху употреблявшееся только в аккумулятиве ἐπίκλην в обстоятельственном значении – «по прозвищу».

Встречаем также προσωνυμία, но словари упорно подчеркивают «позд.» и подчеркивают справедливо. Однако самое интересное в том, что чаще всего древнегреческие авторы применительно к интересующему нас времени, желая выразить ту мысль, что такой-то индивид носил такое-то прозвище, пользуются иными синтаксическими средствами.

Дабы было понятно, о чем идет речь, приведем несколько примеров из источников. Plut. Cim. 4: «Кимон... прослыл беспутным кутилой, похожим по нраву на деда своего Кимона, который, говорят, за простодушие был прозван Коалемом (Κοάλεμον προσαγορευθῆναι – в оригинале конструкция асс. с. inf.). Plut. Pericl. 8: «По этой причине, говорят, ему (Периклу – И.С.) и было дано его известное прозвище (τὴν ἐπίκλησιν). Впрочем, некоторые думают, что он был прозван

⁸ Parker 2000.

⁹ Knoepfler 2000; Fraser 2000; Tataki 2011.

¹⁰ Crawford 2000; Lateiner 2005.

¹¹ Hornblower 2000.

¹² Например: Morpurgo Davies 2000. Отметим, что А. Морпурго-Дэвис внесла во второй половине XX в. колоссальный вклад в наше понимание языковой ситуации в Эгеиде в первой половине I тыс. до н.э.: Morpurgo Davies 1986; 1992.

¹³ Например: Hatzopoulos 2000 (антропонимия привлекается Хадзопулосом как аргумент в пользу принадлежности древних македонян к греческому этносу); Суриков 2009а.

¹⁴ Winters 1993. Об общегреческом контексте см.: Hansen 2004.

¹⁵ См. сводку: Суриков 2006, 542–552.

¹⁶ Stamires, Vanderpool 1950.

¹⁷ Shapiro 1982; Brenne 2001, 119.

(προσαγορευθῆναι) “Олимпийцем” за те сооружения, которыми украсил город... (далее приводятся иные возможные причины, эту часть текста мы опускаем как иррелевантную для нашего основного сюжета – И.С.) Однако из комедий того времени¹⁸... видно, что это прозвище (προσωυμία) было дано ему главным образом за его дар слова». Aristodem. FGrHist. 104. F1. 13: «И избирают стратегом Каллия, по прозвищу (ἐπίκλην) Лаккоплут...». Suid. s.v. Καλλίας: «Каллий, прозванный (ἐπικληθεὶς) Лаккоплутом...».

Специально оговорим: все цитаты в предыдущем абзаце были даны чисто *exempli gratia*. В дальнейших статьях предполагаемого цикла и они будут разобраны куда более подробно (с анализом контекста), и много новых будет к ним добавлено. А пока нас интересуют только терминологические вопросы, в связи же с ними в приведенных цитатах – из авторов весьма «разномастных» и разновременных – можно заметить следующее. Попадают *ἐπίκλησις*, аккузатив *ἐπίκλην*, а также *προσωυμία*. Пожалуй, более важно, что не раз встречается *προσαγορευθῆναι* – пассивный аористный инфинитив¹⁹ от *προσαγορεύω*. Казалось бы, более чем естественно ожидать и наличие соответствующего существительного в «техническом» значении; однако, как ни странно, такового нет. Словарь LSJ, правда, дает *προσαγόρευμα* как “appellation, name”, но проверка по тезаурусу TLG демонстрирует, что это чрезвычайно редкая лексема, встречающаяся только трижды (два раза в номинативе у Аппиана и Юстина Мученика и один раз в дативе у Дионисия Галикарнасского), и это при том, что исходный глагол *προσαγορεύω* весьма употребителен²⁰.

Итак, часто античные авторы, желая показать, что такого-то индивида сопровождало такое-то прозвище, употребляли не только существительные, но и конструкцию *acc. s. inf.* с введением *προσαγορευθῆναι* в качестве инфинитива. Вообще говоря, из вышецитированных пассажей наиболее рельефен тот, который взят из плутархова жизнеописания Перикла: в нем мы встречаем, буквально одно за другим и *ἐπίκλησις*, и *προσαγορευθῆναι*, и *προσωυμία*.

5. Теперь обратимся к вопросу, который может быть воспринят и как частный, относящийся к Греции (поскольку примеры будут приводиться именно из ее истории), и как имеющий более общий (чуть ли не «общечеловеческий») характер. Прозвища, как нам представляется, могут относиться – не с семантической, а с эмоциональной точки зрения – к трем основным типам. Мы имеем дело с прозвищами: *а)* позитивного, возвышающего характера («Олимпиец», то есть фактически «Зевс» – применительно к Периклу); *б)* негативного, уничижительного характера («Коалем» – «простак» или, пожалуй, даже «кретин» – применительно к Кимону Старшему); *в)* нейтрального характера; таковые просто фиксируют некую характерную, бросающуюся в глаза черту внешности индивида (например,

¹⁸ Наиболее фундаментальной работой об образе Перикла в древней аттической комедии и поныне остается Schwarze 1971.

¹⁹ Встречается также и пассивное аористное причастие *προσαγορευθεὶς* от того же глагола (т.е. «прозванный»). Например: Ael. Var. hist. XII. 43: «Антигон, сын Филиппа, кривой на один глаз (ἑτερόφθαλμος) и потому прозванный Циклопом (Κύκλωψ προσαγορευθεὶς)...».

²⁰ Однокоренное *προσαγόρευσις* здесь даже не рассматриваем, поскольку это существительное означает «приветствие», а не «прозвище».

«Одноглазый»²¹), либо какую-то запомнившуюся подробность его биографии (Гиппоник «Аммон» в Афинах на рубеже VI–V вв. до н.э.; как мы предполагаем²², этот аристократ стал главой первого или одного из первых афинского священного посольства к оракулу Аммона в Ливии²³ – тем более ему это и пристало, ведь он принадлежал к древнему и авторитетнейшему жреческому роду Кериков²⁴, – и именно этим, а не чем иным, данный третьестепенный политик вошел в историческую память афинян).

Не сомневаемся в том, что первыми возникли у греков (и возникают в любом социуме) прозвища нейтральные, служащие просто различению индивидов друг с другом, особенно в тех случаях, когда они носят одинаковые личные имена. Достаточно припомнить хотя бы такую деталь из мифов о Троянской войне, как наличие Аякса Большого и Аякса Меньшего. Этих тезок (кстати, даже не являвшихся близкими родственниками) нужно было как-то не путать при обращении; подобной цели, безусловно, часто служили неодинаковые патронимы («сын Теламона» и «сын Оилея», или «Теламонид» и «Оилид»), но не во всех жизненных ситуациях социальный этикет допускает обращение по отчествам. Особенно если говорить о некоторых конкретных референтных группах. Здесь нормы диктуются целым рядом различных обстоятельств. Вспоминается чисто житейский эпизод из собственной биографии. Когда автор этих строк учился в средней школе, из мужской половины класса (16 человек) 8 носили имя «Игорь». Так уж вот неудачно сложилось, «спасибо» веяниям моды в ономастике. Как же нам было друг друга различать? Обращаться по фамилиям? Но это было бы уж как-то чрезмерно формально для детей и подростков. Вот и приходилось прибегать к прозвищам («Длинный», «Пача»²⁵ и т.п.).

Из нейтральных же прозвищ постепенно и закономерно кристаллизовались прозвища эмоционально окрашенные. Причем окраска заведомо позитивная – это подчас «обманка», в чистом виде проявление иронии. Так, из Игорей нашего класса самый худой и низкорослый прозывался «Мощным» (a contrario), и доводилось слышать или читать о других примерах абсолютно аналогичного рода. Пользовались ли подобной практикой античные греки? С этим еще предстоит разобраться.

Впрочем, хорошо известно, что иногда уничижительные прозвища намеренно давались родителями детям даже в качестве личных имен, – естественно, в апотропеических целях²⁶, чтобы злые силы не позарились на «убогонького». От таких имен происходит даже какое-то количество распространенных русских фа-

²¹ Впрочем, «дьявол кроется в деталях». Обратим внимание на тонкий анализ О.Л. Габелко (Габелко 2014), демонстрирующий, как применительно к знаменитому полководцу-диадوخу Антигону Одноглазому нейтральный эпитет ἑτέρωφθαλμος со временем изменяется на явно издевательский – μονόφθαλμος, напоминающий о существовании, у которого один глаз не в силу утраты второго, а «по природе», т.е. о циклопе (именно «Циклопом» его в конце концов и начали дразнить). Упомянем здесь заодно и общую работу того же автора по проблеме прозвищ: Габелко 2015.

²² Суриков 2000, 103.

²³ О котором см.: Parke 1967.

²⁴ Об афинских родах как прежде всего жреческих родах см. фундаментальное исследование (и поныне не устаревшее): Bourriot 1976.

²⁵ От «пачки» сигарет. Этот мальчик отличался тем, что уже с первого класса начал курить.

²⁶ Другой апотропеический прием – дать отпрыску теофорное имя. Но этого нюанса мы здесь не касаемся.

милий типа «Некрасов», «Нелюбов» и т.п.²⁷ Поневоле припоминается в данной связи, как греки из простых семей часто нарекали сыновей «Смикр», «Смикрин» и т.п. Дескать, маленький он, неказистый, пусть он не привлекает внимания высоких сверхъестественных существ.

6. Характерная особенность древнегреческой цивилизации – наличие многочисленных прозвищ даже у богов и богинь. Разумеется, «прозвище» применительно к божеству звучит как-то несообразно, чрезмерно низко; поэтому чаще в науке употребляют термины «культовые эпитеты» или «эпikleзы». Последний наиболее релевантен, но подчеркнем, что это и есть греч. ἐπίκλησις, а не что-либо иное. Иными словами, та самая лексема, которая применительно к людям означает именно «прозвище».

Впрочем, эпikleзы в религиозной сфере – это отдельный интереснейший предмет, здесь мы коснемся его лишь мельком²⁸. Каждый/ая из эллинских богов и богинь имел/а практически обязательно по нескольку эпikleз, подчас – в немалом количестве. Пожалуй, скажем даже так: количество эпikleз божеств было колоссальным, почти безграничным. Сплошь и рядом мы и поднесь узнаём о новых эпikleзах, которые ранее известны не были²⁹.

Эпikleзы в культовой практике весьма часто служили полноценными заместителями имен божеств как таковых. Говоря «Паллада» или, скажем, «Алалкомена», эллин имел в виду абсолютно то же самое, как если бы он говорил просто «Афина».

Точнее всего будет сказать так: эпikleзы были чем-то бóльшим, чем простые культовые эпитеты, они порождали как бы самостоятельные сущности, отдельные, не совпадающие друг с другом «ипостаси» божества. Для массового религиозного сознания подобный ход мысли вообще очень характерен, что показывает даже и знакомая нам всем практика православного христианства. Так, различные чтимые иконы Богородицы воспринимаются многими рядовыми верующими (не имеем здесь в виду, конечно, ученых богословов) в какой-то мере как самостоятельные сущности, Богоматерь Казанская – не вполне то же самое, что Богоматерь Владимирская, или Федоровская, или Донская... «Ты какой Богородице свечку ставишь?» – приходилось нам слышать подобного рода вопросы в православном храме.

В античном язычестве с его традиционной множественностью божеств описанное тут дальнейшее разделение а fortiori уместно встретить. Так, в Дельфах почитался Аполлон Пифийский, на Делосе – Аполлон Делосский, скажем, в Пантикапее – Аполлон Иатрос (что, видимо, все-таки наиболее резонно понимать как «Врач») и т.д., и т.п. Аркадская Артемида весьма сильно отличалась от Артемиды Эфесской: в изображениях первой подчеркивались ее девственность, стройный юный облик, а вторую наиболее адекватно воплощает стоявший в ее эфесском

²⁷ Унбегаун 1989, 164–165.

²⁸ С опорой, в частности, на более раннюю свою разработку: Суриков 2015а, 127 сл.

²⁹ См. хотя бы: Цымбурский 1990, с опорой на данные Ликофрона. Кстати, что касается Ликофрона: в свое время, занимаясь переводом и комментированием его «темной» поэмы (Ликофрон 2011), мы постоянно сталкивались с редчайшими эпikleзами, которые притом явно были не изобретены самим поэтом, а почерпнуты этим эрудитом в процессе изучения культовой практики многочисленных греческих полисов.

храме древний идол, представлявший богиню многогрудой, – таким символом материнства³⁰.

Принципиально важным моментом (хотя в большинстве случаев лишь с трудом поддающимся изучению) являются именно эпиклезы со статуей с конкретным святилищем, храмом. Рискнем даже предположить, что часто – с храмовой статуей божества как первичным артефактом. Храм воспринимался как жилище бога (богини), где он (она) обитал(а) именно в облике своей храмовой статуи. Каждая такая статуя была, естественно, единичной и уникальной, из чего выросло и представление об уникальности данной «ипостаси» самого божества.

Вот конкретный пример. В Афинах с незапамятных времен чтился древний кумир Афины, именовавшийся Палладием. В связи с ним бытовало предание, что это тот самый палладий, который вывезли из Трои победители-греки, а потом он-де некими окольными путями попал в Афины (некоторые другие полисы, заметим, тоже претендовали на обладание «истинным» палладием). С течением времени этот палладий стал пониматься как Афина Полиада («Градохранительница»), возник соответствующий культ. В Афинах и Аттике возникли и другие культы Афины с разными эпиклезами. Так, в Парфеноне почиталась Афина Парфенос – покровительница Архэ, в аттическом местечке Паллена – Афина Палленида³¹... Примеры опять же можно было бы множить и множить. И все эти Афины, – если можно так выразиться, не вполне конгруэнтные фигуры³².

Этот пример парадигматичен. Возникали полисы; в них создавались храмы – именно как вместилища чтимых статуй. Сама по себе постройка храма была в некоторой степени легитимацией полиса. Полис выступал в данной связи не только как коллектив граждан, но и как коллектив лиц, коллективно же почитающих конкретное божество в его конкретной ипостаси (воплощенной конкретным идолом), например, Афины Полиаду, Артемиду Эфесскую, Аполлона Амиклейского (его архаическая статуя огромного размера была все время видна спартанцам и тем самым постоянно напоминала о себе) и др.

Коль скоро речь зашла об Аполлоне, то упомянем еще, помимо затрагивавшихся выше (да и то ни в коей мере не претендуя на сколько-нибудь репрезентативный характер перечисления) культы – и соответствующие эпиклезы – достаточно известного Аполлона Птойского в Беотии³³ и менее известных Аполлона Малеата в Эпидавре³⁴, Аполлона Сикионского³⁵, более позднего Аполлона Дафнийского³⁶, загадочного Аполлона Гиперборейского³⁷, – да имя им легион!³⁸).

³⁰ Ср. Burkert 1999 – со странной теорией, согласно которой это не груди, а “Stierhoden”; См. Суриков 2009б с опровержением этой теории. В связи с этим «разнообразием» Артемиды см. также: Cole 1998; Petrovic 2010; Rogers 2012; McInerney 2015; Budin 2016; Кузьмина 2007.

³¹ Harrison 2005.

³² Об Афине в целом см. монографию: Deacy 2008.

³³ Schachter 1994.

³⁴ Trümper 2014.

³⁵ Krystalli-Votsi, Østby 2014.

³⁶ Fowler 2006.

³⁷ Boutouropoulou 2009.

³⁸ В частности, автор этих строк не столь давно высказал идею о новых, ранее неизвестных эпиклезах Аполлона и Артемиды (соответственно, «Фанагор» и «Фанагора»). См.: Суриков 2012; 2015б; 2015в).

Но, собственно, с чего мы так подробно заговорили об эпиклезах древнегреческих божеств? Просто нам хочется довести до читателя простую мысль: в мире, где прерогативой носить прозвища наделены боги, самая идея дать прозвище человеческому существу выглядела в какой-то степени эпатажем. Снабдить индивида эпиклезой означало, не преувеличиваем, возвести его отчасти в «сверхчеловеческий мир» – а сие уже было чревато пресловутым $\phi\theta\acute{o}\nu\omicron\varsigma \theta\epsilon\acute{\omega}\nu$ ³⁹. Не потому ли эллины, повторим, не столь уж давали прозвища даже своим известным людям?

И ведь не случайно, что «расцвет» прозвищ у греков приходится на эллинистический период, а носителями этих прозвищ (и неофициальных, и таких, которые можно сказать, были официальными, воспринимаясь как «почти имена», порой даже из без «почти», то есть заменяя имена⁴⁰) преимущественно выступали монархи. А ведь феномен эллинистического монарха достаточно хорошо известен, в данной статье нет совершенно никакого резона говорить о нем подробно, но абсолютно необходимо напомнить, что они репрезентировали себя и воспринимались своими «гражданами-подданными» в качестве существ сверхчеловеческого статуса, где-то просто на грани с миром божественного, а подчас и за этой гранью. Так, те же египетские Птолемеи были предметом прямого апофеоза. Не потому ли правителям подобного ранга и подобали прозвища-эпиклезы, как богам?

Что же касается доэллинистического времени (а именно оно нас интересует и будет интересовать), отметим в заключение еще вот какую небезынтересную черту. Пожалуй, прозвища мы чаще встретим не у политиков и государственных деятелей, а у лиц, подвизавшихся в сфере культуры – поэтов, философов. И это, кажется нам, тоже закономерно. Не политик, погрязший в перипетиях повседневности, а именно человек, «общающийся с музами», виделся грекам как $\theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\eta\eta\rho$, как персонаж, достойный эпиклезы. Платон, Стесихор – это ведь не при рождении данные имена, а прозвища. Не исключено, что так же обстоят дела даже с именами Гомер и Гесиод. Однако подобного рода материал уже должен стать (и станет) предметом отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Габелко, О.Л. 2014: Антигон Монофтальм и Антигон Фуск: к интерпретации двух прозвищ эллинистических монархов. *Antiquitas aeterna* 4, 119–130.
- Габелко, О.Л. 2015: Неофициальные прозвища эллинистических правителей: предварительная характеристика феномена. В кн.: Ю.В. Куликова (ред.), *Древний мир: история и археология*. М., 62–66.

³⁹ Эта категория древнегреческого религиозного сознания подробно разобрана в работе: Ranulf 1933–1934.

⁴⁰ Так, все цари из династии александрийских Лагидов носили тронное имя Птолемеи, и уже поэтому необходимы были прозвища – хотя бы для того, чтобы различать их между собой (Птолемей Филадельф, Птолемей Евергет, Птолемей Филопатор и т.д.). Поскольку эти официальные прозвища с какого-то момента тоже уже начали повторяться, то возникла потребность в новых, неофициальных. В чем-то аналогичная картина (может быть, не столь же ярко выраженная) встречается применительно к многочисленным селевкидским Антиохам, менее многочисленным македонским Антигонам.

- Кузьмина, Ю.Н. 2007: Синкретичность культа Артемиды Эфесской. В кн.: Е.В. Смыков, А.В. Мосолкин (ред.), *Antiquitas iuventae: Сборник научных трудов студентов и аспирантов*. Саратов, 63–68.
- Ликофрон 2011: Александра (перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова). *ВДИ* 1, 219–233; 2, 234–267.
- Суриков, И.Е. 2000: Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи. В кн.: О.Л. Габелко (ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Ч. 1. Казань, 95–112.
- Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах*. М.
- Суриков, И.Е. 2009а: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *Вопросы эпиграфики* 3, 102–127.
- Суриков, И.Е. 2009б: Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях). *Адам и Ева* 17, 7–39.
- Суриков, И.Е. 2012: Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы). *Древности Боспора* 16, 440–469.
- Суриков, И.Е. 2015а: *Античная Греция: Ментальность, религия, культура*. М.
- Суриков, И.Е. 2015б: Афинские Фанагоры. *Древности Боспора* 19, 340–350.
- Суриков, И.Е. 2015в: Еще раз о происхождении названия Фанагории. *Боспорские исследования* 31, 325–333.
- Унбегаун, Б.О. 1989: *Русские фамилии*. М.
- Успенский, Ф.Б. 2001: К вопросу о происхождении русских отчеств. В кн.: Е.А. Мельникова (ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти*. М., 182–186.
- Цымбурский, В.Л. 1990: Лаомедонт – эпиклеза Посейдона? (к разночтениям в ст. 157 «Александры» Ликофрона). В кн.: А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахов (ред.), *Античность в контексте современности*. М., 66–75.
- Barbantani, S. 2014: “Déjà la pierre pense où votre nom s’inscrit”: Identity in Context in Verse Epitaphs for Hellenistic Soldiers. In: R. Hunter, A. Rengakos, E. Sistakou (eds.), *Hellenistic Studies at a Crossroads: Exploring Texts, Contexts and Metatexts*. Berlin–Boston, 301–334.
- Boutriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d’histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Boutouropoulou, I. 2009: Le voyage d’Apollon au pays des hypervoréens ou la fascination d’un mythe culturel. In: S. Tzitzis, M. Protopapas-Marneli, B. Melkevik (éds.), *Mythe et justice dans la pensée grecque*. Québec, 59–69.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.
- Budin, S.L. 2016: *Artemis*. London–New York.
- Burkert, W. 1999: Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin. In: H. Friesinger, F. Krinzinger (Hgg.), *100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos*. Wien, 59–70.
- Cole, S.G. 1998: Domesticating Artemis. In: S. Blundell, M. Williamson (eds.), *The Sacred and the Feminine in Ancient Greece*. London–New York, 24–38.
- Crawford, M. 2000: Mirabilia and Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 145–148.
- Deacy, S. 2008: *Athens*. London–New York.
- Dubois, L. 2000: Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἴππο-, -ἵππος. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 41–52.

- Duplouy, A. 2010: Observations sur les noms en -ίδης et en -άδης aux époques archaïque et classique. In: L. Capdetrey, Y. Lafond (éds.), *La cité et ses élites: Pratiques et représentation des formes de domination et de contrôle social dans les cités grecques*. Paris, 307–344.
- Fowler, R. 2006: ‘This Tart Fable’: Daphne, and Apollo in Modern Women’s Poetry. In: V. Zazjko, M. Leonard (eds.), *Laughing with Medusa: Classical Myth and Feminist Thought*. Oxford, 381–398.
- Fraser, P.M. 2000: Ethnics as Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 149–157.
- Habicht, Chr. 2000: Foreign Names in Athenian Nomenclature. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 119–127.
- Hansen, M.H. 2004: The Use of Sub-Ethnics as Part of the Name of a Greek Citizen of the Classical Period: The Full Name of a Greek Citizen. In: T.H. Nielsen (ed.), *Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 117–129.
- Harrison, E.B. 2005: Athena at Pallene and in the Agora of Athens In: J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.), *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 119–131.
- Hatzopoulos, M. 2000: ‘L’histoire par les noms’ in Macedonia. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 99–117.
- Herman G. 1990: Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond. *Classical Quarterly* 40, 2, 349–363.
- Hornblower, S. Personal Names and the Study of Ancient Greek Historians. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 129–143.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes’ Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin–New York.
- Knoepfler, D. 2000: Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 81–98.
- Krystalli-Votsi, K., Østby, E. 2014: The Temples of Apollo at Sikyon. In: B. Alroth, C. Scheffer (eds.), *Attitudes towards the Past in Antiquity. Creating Identities*. Stockholm, 191–200.
- Lateiner, D. 2005: Signifying Names and Other Ominous Accidental Utterances in Classical Historiography. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 45, 35–57.
- Malkin, I. 1985: What’s in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- McInerney, J. 2015: “There will be Blood...”: The Cult of Artemis Tauropolos at Halai Araphenides. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 289–320.
- Morpurgo Davies, A. 1986: Forms of Writing in the Ancient Mediterranean World. In: G. Baumann (ed.), *The Written Word: Literacy in Transition*. Oxford, 51–76.
- Morpurgo Davies, A. 1992: Mycenaean, Arcadian, Cyprian and Some Questions of Method in Dialectology. In: J.-P. Olivier (éd.), *Mykenaiika: Actes du IXe Colloque international sur les textes mycéniens et égéens organisé par le Centre de l’Antiquité Grecque et Romaine de la Fondation Hellénique des Recherches Scientifiques et l’École française d’Athènes*. Paris, 415–432.
- Morpurgo Davies, A. 2000: Greek Personal Names and Linguistic Continuity. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 15–39.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon*. Cambridge Mass.
- Parker, R. 2000: Theophoric Names and the History of Greek Religion. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 53–79.
- Petrovic, I. 2010: Transforming Artemis: from the Goddess of the Outdoor to City Goddess. In: J.N. Bremmer, A. Erskine (eds.), *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 209–227.

- Ranulf, S. 1933–1934: *The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens. Vol. 1–2*. Copenhagen.
- Rogers, G.M. 2012: *The Mysteries of Artemis of Ephesos: Cult, Polis, and Change in the Graeco-Roman World*. New Haven–London.
- Schachter, A. 1994: The Politics of Dedication: Two Athenian Dedications at the Sanctuary of Apollo Ptoieus in Boeotia. In: R. Osborne, S. Hornblower (eds.), *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis*. Oxford, 291–306.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Tataki, A.B. 2011: Frequent Names and Local History. *Tekmeria* 10, 233–247.
- Trümper, M. 2014: Bathing in the Sanctuaries of Asklepios and Apollo Maleatas at Epidauros. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro*. Berlin–Boston, 211–231.
- Winters, T.F. 1993: Kleisthenes and Athenian Nomenclature. *Journal of Hellenic Studies* 113, 162–165.

REFERENCES

- Barbantani, S. 2014: “Déjà la pierre pense où votre nom s’inscrit”: Identity in Context in Verse Epitaphs for Hellenistic Soldiers. In: R. Hunter, A. Rengakos, E. Sistakou (eds.), *Hellenistic Studies at a Crossroads: Exploring Texts, Contexts and Metatexts*. Berlin–Boston, 301–334.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d’histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Boutouropoulou, I. 2009: Le voyage d’Apollon au pays des hypervoréens ou la fascination d’un mythe culturel. In: S. Tzitzis, M. Protopapas-Marneli, B. Melkevik (éds.), *Mythe et justice dans la pensée grecque*. Québec, 59–69.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.
- Budin, S.L. 2016: *Artemis*. London–New York.
- Burkert, W. 1999: Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin. In: H. Friesinger, F. Krinzinger (Hgg.), *100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos*. Wien, 59–70.
- Cole, S.G. 1998: Domesticating Artemis. In: S. Blundell, M. Williamson (eds.), *The Sacred and the Feminine in Ancient Greece*. London–New York, 24–38.
- Crawford, M. 2000: Mirabilia and Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 145–148.
- Deacy, S. 2008: *Athena*. London–New York.
- Dubois, L. 2000: Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἰππο-, -ἵππος. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 41–52.
- Duplouy, A. 2010: Observations sur les noms en -ίδης et en -άδης aux époques archaïque et classique. In: L. Capdetrey, Y. Lafond (éds.), *La cité et ses élites: Pratiques et représentation des formes de domination et de contrôle social dans les cités grecques*. Paris, 307–344.
- Fowler, R. 2006: ‘This Tart Fable’: Daphne, and Apollo in Modern Women’s Poetry. In: V. Zazjko, M. Leonard (eds.), *Laughing with Medusa: Classical Myth and Feminist Thought*. Oxford, 381–398.
- Fraser, P.M. 2000: Ethnics as Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 149–157.

- Gabelko, O.L. 2014: Antigon Monoftal'm i Antigon Fusk: k interpretatsii dvuhr prozvishch ellinisticheskikh monarhrov. *Antiquitas aeterna* 4, 119–130.
- Gabelko, O.L. 2015: Neofitsial'nye prozvishcha ellinisticheskikh praviteley: predvaritel'naya hrarakteristika fenomena. In: Yu.V. Kulikova (red.), *Drevniy mir: istoriya i arheologiya*. Moscow, 62–66.
- Habicht, Chr. 2000: Foreign Names in Athenian Nomenclature. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 119–127.
- Hansen, M.H. 2004: The Use of Sub-Ethnics as Part of the Name of a Greek Citizen of the Classical Period: The Full Name of a Greek Citizen. In: T.H. Nielsen (ed.), *Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 117–129.
- Harrison, E.B. 2005: Athena at Pallene and in the Agora of Athens. In: J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.), *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 119–131.
- Hatzopoulos, M. 2000: 'L'histoire par les noms' in Macedonia. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 99–117.
- Herman G. 1990: Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond. *Classical Quarterly* 40, 2, 349–363.
- Hornblower, S. Personal Names and the Study of Ancient Greek Historians. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 129–143.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin–New York.
- Knoepfler, D. 2000: Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 81–98.
- Krystalli-Votsi, K., Østby, E. 2014: The Temples of Apollo at Sikyon. In: B. Alroth, C. Scheffer (eds.), *Attitudes towards the Past in Antiquity. Creating Identities*. Stockholm, 191–200.
- Kuz'mina, Yu.N. 2007: Sinkretichnost' kulta Artemidy Efesskoj. In: E.V. Smykov, A.V. Mosolkina (red.), *Antiquitas iuventae: Sbornik nauchnykh trudov studentov i aspirantov*. Saratov, 63–68.
- Lateiner, D. 2005: Signifying Names and Other Ominous Accidental Utterances in Classical Historiography. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 45, 35–57.
- Likofron 2011: Aleksandra (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy I.E. Surikova). *Vestnik drevney istorii* 1, 219–233; 2, 234–267.
- Malkin, I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- McInerney, J. 2015: "There will be Blood...": The Cult of Artemis Tauropolos at Halai Araphenides. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 289–320.
- Morpurgo Davies, A. 1986: Forms of Writing in the Ancient Mediterranean World. In: G. Baumann (ed.), *The Written Word: Literacy in Transition*. Oxford, 51–76.
- Morpurgo Davies, A. 1992: Mycenaean, Arcadian, Cyprian and Some Questions of Method in Dialectology. In: J.-P. Olivier (éd.), *Mykenaiika: Actes du IXe Colloque international sur les textes mycéniens et égéens organisé par le Centre de l'Antiquité Grecque et Romaine de la Fondation Hellénique des Recherches Scientifiques et l'École française d'Athènes*. Paris, 415–432.
- Morpurgo Davies, A. 2000: Greek Personal Names and Linguistic Continuity. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 15–39.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon*. Cambridge Mass.
- Parker, R. 2000: Theophoric Names and the History of Greek Religion. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 53–79.
- Petrovic, I. 2010: Transforming Artemis: from the Goddess of the Outdoor to City Goddess. In: J.N. Bremmer, A. Erskine (eds.), *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 209–227.

- Ranulf, S. 1933–1934: *The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens. Vol. 1–2.* Copenhagen.
- Rogers, G.M. 2012: *The Mysteries of Artemis of Ephesos: Cult, Polis, and Change in the Graeco-Roman World.* New Haven–London.
- Schachter, A. 1994: The Politics of Dedication: Two Athenian Dedications at the Sanctuary of Apollo Ptoieus in Boeotia. In: R. Osborne, S. Hornblower (eds.), *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis.* Oxford, 291–306.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung.* München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Surikov, I.E. 2000: Dva ocherka ob afinskoy vneshney politike klassicheskoy epochi. In: O.L. Gabelko (red.), *Mezhgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti. Ch. 1.* Kazan', 95–112.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinah.* Moscow.
- Surikov, I.E. 2009a: Novye nabludeniya v svyazi s onomastiko-prosopograficheskim materialom afinskihr ostrakonov. *Voprosy epigraphiki* 3, 102–127.
- Surikov, I.E. 2009b: Udalyayushchiesya amazonki (Gendernaya mifologiya i gendernaya geografiya v drevnegrecheskihr potestarnyhr predstavleniyahr). *Adam i Eva* 17, 7–39.
- Surikov, I.E. 2012: Ob etimologii nazvaniy Fanagorii i Germonassy (k postanovke problemy). *Drevnosti Bospora* 16, 440–469.
- Surikov, I.E. 2015a: *Antichnaya Gretsiya: Mentalnost', religiya, kultura.* Moscow.
- Surikov, I.E. 2015b: Afinskie Fanagory. *Drevnosti Bospora* 19, 340–350.
- Surikov, I.E. 2015v: Eshche raz o proishozhdenii nazvaniya Fanagorii. *Bosporskie issledovaniya* 31, 325–333.
- Tataki, A.B. 2011: Frequent Names and Local History. *Tekmeria* 10, 233–247.
- Trümper, M. 2014: Bathing in the Sanctuaries of Asklepios and Apollo Maleatas at Epidauros. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro.* Berlin–Boston, 211–231.
- Tsyburskiy, V.L. 1990: Laomedont – epikleza Poseidona? (k raznochteniyam v st. 157 “Aleksandry” Likofrona). In: A.A. Takho-Godi, I.M. Nakhov (red.), *Antichnost' v kontekste sovremennosti.* Moscow, 66–75.
- Unbegaun, B.O. 1989: *Russkie familii.* Moscow.
- Uspenskiy, F.B. 2001: K voprosu o proishozhdenii russkihr otchestv. In: E.A. Mel'nikova (red.), *Vostochnaya Evropa v drevnosti I srednevekov'e. Genealogiya kak forma istoricheskoy pamyati.* Moscow, 182–186.
- Winters, T.F. 1993: Kleisthenes and Athenian Nomenclature. *Journal of Hellenic Studies* 113, 162–165.

NICKNAMES AMONG GREEKS OF THE ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS: I. PRELIMINARY THOUGHTS OF GENERAL THEORETICAL NATURE

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia,
isurikov@mail.ru

Abstract. The article is the first one in a series devoted to nicknames of well-known people in Greece of pre-Hellenistic time. It is mainly expressed general considerations about the role

of nicknames in human societies (including Ancient Greek), relations of nicknames to personal names and divine epithets, terminology of nicknames among the Greeks, possible reasons of not very wide development of the practice of nicknaming in Greece of this period.

A nickname is a fundamental phenomenon of the history of culture, and its real significance has not been appreciated yet. Nicknames, in particular, served as means of distinction of individuals within any society. The names of the ancient Greeks always initially reminded nicknames as much as possible. Onomastic units in Greek poleis were mainly meaningful.

Nicknames can relate –not from a semantic, but from an emotional point of view – to three basic types. We deal with nicknames of *a*) a positive, glorious character (“Olympian” as to Pericles); *b*) a negative, conjuring character (“Koalemos” – “Simpleton” as to Cimon the Elder); *c*) a neutral character – those just shows a certain characteristic appearance of an individual (e.g., “One-Eyed”), or some kind of memorable detail of his biography (Hipponicus the “Ammon” in Athens at the turn of the 6th and 5th centuries BC).

In pre-Hellenistic time one more interesting thing took place. Nicknames are more often connected not with politicians but with people from cultural spheres – poets, philosophers.

Key words: Greece, Archaic and Classical periods, nicknames, names, onomastic studies, cult epithets
